СОЛДАТЪ ПЕТРА I.

Въ 1832 году, по окончанiи польскаго похода, я взялъ отпускъ и прiѣхалъ въ Питеръ, чтобы добиться какого–нибудь осѣдлаго мѣста: шатучая жизнь мнѣ надокучила. Много хлопотъ стоило мнѣ пристроиться ординаторомъ въ военно–сухопутный госпиталь, на Выборгской сторонѣ — въ ожиданiи будущихъ благъ.

Услышавъ однажды разговоръ между товарищами, гдѣ было упомянуто, что «дѣдушка ужъ просится на выписку, почему и надо ждать ранней весны,» я освѣдомился, какой дѣдушка, и какая связь между выпиской его и весною?

А развѣ вы не знаете нашего дѣдушки, спросилъ Нарановичъ старшiй — заходите ко мнѣ въ палату, стоитъ съ нимъ познакомиться: это солдатъ Петра перваго, съ указомъ о чистой отставкѣ; онъ по зимамъ два, три мѣсяца отдыхаетъ въ госпиталѣ, а остальное время, не только на ногахъ, но о сю пору самъ зарабатываетъ

хлѣбъ свой, и подаянiй не принимаетъ: онъ чеботаритъ!

Солдатъ Петра перваго — я счелъ все это какою–то загадочною шуткой: солдатъ Петра перваго никакъ не могъ быть моложе прошлаго вѣку, и ему въ 1833 году не могло быть менѣе *ста тридцати трехъ* лѣтъ, вѣроятно даже болѣе, потому что при Петрѣ не брали слишкомъ молодыхъ рекрутъ. Рѣшившись дать себя одурачить, коли дѣло на то пошло, я въ досужное время отправился въ дальнее отдѣленье госпиталя, по указанiю, чтобы узнать тамъ, что можно, объ этомъ дѣдушкѣ.

Фельдшеръ, который бы не сталъ шутить такъ съ докторомъ въ военномъ мундирѣ, подтвердилъ, что дѣдушкой зовутъ у нихъ солдата Петра перваго, который приходитъ иногда, по зимамъ, согрѣться и отдохнуть, проводитъ Декабрь и Январь въ госпиталѣ, въ палатѣ слабыхъ, а въ Февралѣ обычно уходитъ, радушно прощаясь на десять мѣсяцевъ.

Вошедши въ палату слабыхъ и пройдясь вдоль ряда кроватей, я, безъ указанiя

фельдшера, остановился передъ этимъ дѣдушкой всѣхъ дѣдушекъ, за котораго, по увѣренью другихъ, бывшихъ тутъ старыхъ солдатъ, — годившихся этому въ праправнуки — давно уже на томъ свѣтѣ провіантъ получаютъ.

У меня въ головѣ невольно промелькнула извѣстная прибаутка: проѣзжій увидалъ въ деревнѣ дряхлаго старика, который, сидя на солнышкѣ за воротами, ребячески плакалъ. Что съ тобою, старичекъ, кто тебя обидѣлъ? — Никто не обидѣлъ, отвѣчалъ тотъ, да отецъ вишь потрепалъ. — Отецъ? подумалъ проѣзжій, глядя на маститую сѣдую бороду — такъ у тебя и отецъ живъ? — Живъ. — Да за что же онъ тебя потрепалъ? — Вишь, дѣдушкѣ напиться не подалъ, жалобно отвѣчалъ внучекъ... Дѣдушкѣ? и ужасъ обдалъ путника, когда онъ представилъ себѣ дѣдушку дряхлаго старца... И меня обняло подобное чувство, когда я стоялъ передъ дѣдушкой всѣхъ дѣдушекъ: я, живой человѣкъ, стою лицемъ

къ лицу съ живымъ солдатомъ Петра перваго!

Бесмертный этотъ былъ средняго росту, коренастъ на ногахъ, плечистъ, очень сутулъ и ни одного зуба во рту, но на головѣ еще довольно густой волосъ; тѣлесныя силы, глаза, уши и память ему служили хорошо; голосъ не столько суровый, какъ нерѣдко у стариковъ бываетъ.

Дѣдушка сидѣлъ на кровати своей, но всталъ, когда я подошелъ, и я никакъ не могъ уговорить его сѣсть: онъ, казалось, даже обижался моимъ требованьемъ, и отвѣчалъ настоятельно, что и сидѣнью, и стоянью, всему есть своя пора. Я присѣлъ на сосѣднюю кровать, и лишь послѣ нѣкоторой бесѣды усадилъ противъ себя дѣдушку. Вотъ что я помню изъ нашего разговора:

Петръ обращался съ солдатами за панибрата, какъ нынѣ никто, но былъ имъ страшенъ, будто не человѣкъ. При немъ, никто себя не помнилъ, и не было солдата, который бы не кинулся зря, по слову его,

въ огонь и въ воду, и самъ не зная, что дѣлаетъ. Эдакой бодрости никто въ себѣ не запомнитъ, какъ бывало только взглянетъ на тебя батюшка Царь: словно всѣ животы въ тебѣ поворотитъ! Когда бывало онъ, батюшка Царь и Государь нашъ Петръ первый, по фронту проѣзжаетъ, то коня–то своего пуститъ вплоть, такъ, что конь фыркаетъ и мордой по всему фронту тебѣ по рожѣ чертитъ; такъ и ведетъ онъ его, поигрывая удилами, и глядитъ: кто глазомъ смигнетъ, кто головой откачнется — все видитъ, вотъ у него на все это свои примѣты ужъ и есть: а помнитъ въ лице всякаго солдата. А пѣши, Царь хаживалъ тебѣ богатырь богатыремъ, и никому бывало не ушагнуть за нимъ, вотъ такъ: и дѣдушка, скинувъ лѣтъ сотню съ плечъ, съ разгорѣвшимися глазами прошагалъ исполинскими шагами по палатѣ; онъ шелъ твердо, почти на вытяжку, полтора вѣка отзывались только на окостенѣвшихъ хрящахъ горба его.

Я онѣмѣлъ, и стоялъ, какъ въ чаду: не Голикова расказы о Петрѣ читаю въ книгѣ,

не въ царствѣ мертвыхъ сошелся съ современникомъ Петра Великаго, видѣвшаго его лицемъ къ лицу — не во снѣ я вижу живаго человѣка, родившагося, вѣроятно, въ *семнадцатомъ* вѣкѣ, а на яву! На одинъ пріемъ съ меня было довольно — я ушелъ, съ твердымъ намѣреньемъ навѣстить дѣдушку, и не одинъ еще разъ — но даже позабылъ записать имя, прозванье и родину его.

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ этого для меня настала хлопотливая пора, — командировка въ кронштатскій госпиталь, — нежданое предложенье дерптской каѳедры рускаго языка, — помѣха этому и переполоха, по поводу изданыхъ мною сказокъ; спѣшная командировка, года на два, почти во всѣ губерніи, для осмотра всѣхъ баталіоновъ кантонистовъ, между коими открылась повально опасная глазная болѣзнь; такая жъ внезапная отмѣна этой посылки *), —

---

*) Не могу пройти этого случая, не упомянувъ о чертѣ тонкаго чувства справедливости покойнаго Императора Николая Павловича: прошу забыть при этомъ мою личность, речь пойдетъ не объ ней. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ суматоха по изданымъ мною сказкамъ кончилась, мнѣ объявлено было лично графомъ Бенкендорфомъ, отъ имени Государя, что все дѣло это было слѣдствіемъ лишняго усердія вѣрныхъ слугъ, и что происшествіе это *не будетъ имѣть никакого вліянія на будущую службу мою;* въ это самое время потребовали

женитьба моя, — переходъ въ иное вѣдомство, и даже званье — наконецъ поѣздка въ Оренбургъ, — все это быстро, чуть не день за день слѣдовало одно за другимъ, и оторвало меня отъ дѣдушки; я его уже болѣе не видалъ, и даже слишкомъ 30 лѣтъ ничего объ немъ не слышалъ.

Кажется въ 1864 году навѣстилъ меня въ Москвѣ извѣстный всѣмъ намъ пѣвецъ рускихъ пѣсенъ, г. Молчановъ. Не помню теперь по какому поводу, я посѣтовалъ въ бесѣдѣ съ нимъ на небреженье наше ко всему родному и упрекнулъ самъ себя въ томъ, что не собралъ въ свое время всѣхъ свѣденій о солдатѣ Петра перваго, котораго видѣлъ съ глазу на глазъ. Да это былъ мой другъ! воскликнулъ Молчановъ, я его

отъ извѣстнаго глазнаго врача Лерха назначенія глазнаго же врача, для объѣзда осмотра всѣхъ баталіоновъ кантонистовъ, и для принятія на мѣстахъ мѣръ, противъ заразительнаго египетскаго воспаленья глазъ, отъ котораго люди слѣпли. Докторъ Лерхе назвалъ меня. Я не только всегда принималъ съ удовольствіемъ всѣ командировки по Росіи, но я искалъ ихъ , между прочимъ и для изученья народнаго языка; но порученье, при коемъ неизбѣжно было перессориться одному со всѣми начальниками кантонистовъ, по всей Руси, и притомъ въ такую пору, когда уже почти назначенъ былъ день сватьбы моей — это, конечно, пришлось некстати. Но, отговариваться нельзя было, служебное дѣло шло впереди своего, и я былъ уже готовъ къ отъѣзду, когда докладъ о семъ поступилъ къ Государю. Услышавъ или прочитавъ прозванье назначаемаго врача, Императоръ спросилъ : Тотъ ли это, который издалъ недавно рускія сказки? и на утвердительный отвѣтъ (какъ передалъ мнѣ тогда Н. Ѳед. Арендтъ), сказалъ: «Это будетъ похоже на ссылку, послать другаго.»

зналъ, какъ нельзя короче — и расказалъ вотъ что:

Ѣхалъ я — помнится въ 34 году — изъ Питера въ Москву; о желѣзныхъ дорогахъ тогда слуху не было, а ѣхалъ я на перекладныхъ; вечеръ былъ хорошій, солнце на закатѣ, и обгоняю дорогою, по виду, отставнаго солдата, который тащится, сильно сгорбясь, но бодро шагая, съ котомкою за плечами. Я сидѣлъ въ телегѣ одинъ, и подумалъ: подвезу–ка я старика по пути — подозвалъ и пригласилъ его, а онъ, поблагодаривъ, сѣлъ рядомъ. Ямщикъ погналъ; на перекладныхъ, за стукомъ и тряской, большихъ бесѣдъ не заведешь, и мы оба, по крайности я, стали помаленьку дремать, — а ужъ начинало смеркаться. Вдругъ слышу во снѣ чудные звуки: Тихіе, словно воздухъ поетъ вокругъ меня, напѣвы родные, но неслыханые мною! Я ли не знаю рускихъ пѣсенъ? Гдѣ на Руси родная пѣсня, которой бы я не зналъ? До тысячи ихъ помню наизусть, и одну съ другою не путаю — а это — это рускія пѣсни, а я ихъ не знаю; я только слышу по

напѣву, что это должна быть старина незапамятная, на которую лишь намекъ одинъ остался кой–въ–какихъ знакомыхъ мнѣ старинныхъ пѣсняхъ!.. Дѣдушка, это ты поешь, спросилъ я очнувшись. Гдѣ мнѣ пѣть, мои пѣсни за горбомъ остались, — мурлычу про себя; а когда–то пѣвалъ!

Вотъ я съ нимъ и разговорился: это былъ солдатъ Петра перваго, въ свое время первый пѣсенникъ въ полку! Кладъ мнѣ въ руки дался! Я его холить дорогою, я его беречь — привезъ въ Москву, куда онъ и шелъ, какъ сказывалъ, на какіе–то заработки, уговорилъ его остаться при мнѣ, въ домѣ, гдѣ я сталъ, и тутъ–то научился отъ него всѣмъ пѣснямъ царскихъ временъ, какія онъ зналъ! Чудный былъ старикъ, икакой радушный, какой бойкій еще, такъ это на диво! Вѣдь еще и сапожишки на себя самъ подшивалъ!

Куда же онъ дѣвался, спросилъ я, не знаете ли чего объ немъ?

Какъ не знать, — да ужъ и поминать грустно: старикъ, по упрямству, самъ себя погубилъ, Богъ вѣсть, сколько бы ему еще

довелось жить! Уѣхавъ опять въ Питеръ, я его пристроилъ въ Москвѣ на своемъ стану, у добрыхъ людей, на всемъ готовомъ, — такъ сталъ обижаться, не захотѣлъ жить безъ дѣла; что я, говоритъ, за дармоѣдъ! я еще, благодаря Бога, могу и самъ заработать кусокъ хлѣба! Каково, заработать хлѣба, а малому чуть не стосорокъ лѣтъ, — а ужъ стотридцатьшесть мы съ нимъ насчитали! Вотъ и пошелъ онъ въ сторожа къ Спасу, что строился въ память 12 года, и прослужилъ тамъ лѣто и осень, чередуясь у какой–то калитки самтретей день и ночь, на три смѣны, по солдатски; пришла зима, одеженка видно была на немъ плохая, а морозы пошли лютые, — такъ онъ въ одну ночь чуть было не замерзъ у калитки; свезли его въ больницу, тамъ онъ полежалъ, полежалъ, да и померъ. Ужъ я, пріѣхавъ послѣ опять по своимъ дѣламъ въ Москву, бранился, бранился, что отпустили его, такъ говорятъ, нельзя было удержать...

И вотъ судьба Петровскаго солдата, дожившаго до нашихъ временъ. Имя его должно быть памятно г. Молчанову.

Прибавлю къ этому еще два слова: покойный Е. П. Гребенка говорилъ мнѣ, уже въ сороковыхъ годахъ, что у нихъ, въ Полтавской губерніи, въ это время похоронили бамбардира Петра I, которому считали 140 лѣтъ, и что хоронили его въ уцѣлѣвшемъ еще у него Петровскомъ мундирѣ.

Вѣроятно также многимъ мѣстнымъ жителямъ и посѣтителямъ Задонска памятенъ еще юродивый, современникъ св. Тихона Задонскаго, которому, по монастырскимъ книгамъ, считалось 140 лѣтъ; когда онъ умеръ, не знаю, а жилъ онъ еще въ 1841 году.

В. И. ДАЛЬ.